
**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
НАРОЧНИЦКАЯ Н. А., ФАЛИН В. М. И ДРУГИЕ. ПАРТИТУРА ВТОРОЙ
МИРОВОЙ. КТО И КОГДА НАЧАЛ ВОЙНУ? – М. : ВЕЧЕ, 2009. – 416 с.**

А. Г. Сарычев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2009 г.

15 мая 2009 г. был обнародован Указ Президента Российской Федерации «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Одним из первых шагов по реализации целей, означенных в этом Указе, стал сборник «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?» – событие, вне всякого сомнения, знаковое, во многих отношениях примечательное. Он подготовлен Фондом исторической перспективы во взаимодействии с президентской Комиссией и при участии Фонда «Историческая память». Сборник открывает предисловие министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова: «Профессиональный долг историков – изложить на основе первоисточников, а не произвольных интерпретаций правду о трагедии Второй мировой войны», – обратился он к сообществу отечественных исследователей. Это обращение, а также призыв честно ответить на вопрос: «Кто виноват?» не оставят равнодушным никого из читателей книги. Они должны стать программными для специалистов при изучении сложнейшего клубка дипломатических проблем кануна войны.

Статьи сборника написаны известными историками, политическими и общественными деятелями, экспертами-международниками и дипломатами-практиками. Высокий профессионализм авторов, их информированность, доступ к широкому кругу источников, в том числе и впервые вводимых в научный оборот, позволили им глубоко осветить исследуемые сюжеты общей огромной проблемы, дать обстоятельный, свободный от излишней идеологизации анализ событий и процессов предвоенного времени.

Невозможно переоценить актуальность рецензируемой книги. Во-первых, ее проблема-

тика имеет исключительное общественно-политическое звучание. Как подчеркнуто в предисловии, «уроки того времени и сегодня имеют универсальный характер – забвение нравственных императивов в политике не доводит до добра, умиротворение агрессора лишь разжигает его аппетиты, надежно обеспечить безопасность в региональном и мировом масштабах можно только совместными усилиями» [1, с. 4]. Во-вторых, содержание сборника представляет большой академический интерес. Затронутые в нем вопросы являются предметом острых научных дискуссий и можно утверждать, что завершение их в обозримой перспективе не просматривается. В связи с этим научно-весомое слово авторитетных специалистов окажет существенное влияние на осмысление в правильном направлении всего обширного комплекса проблем внешней политики СССР 1930-х гг. Наконец, ложные трактовки освещенных в сборнике сюжетов проникли в школьные и вузовские учебники по отечественной истории. Рецензируемый труд будет служить неопределимым подспорьем для учителей общеобразовательных школ и научно-педагогического корпуса вузов в их очень непростой работе.

Ответственным редактором сборника является доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы Н. А. Нарочницкая. Ее перу принадлежат введение «От ответственного редактора», а также статья «Концерт великих держав накануне решающих событий», имеющая, по сути, уставочный характер. В них она обозначила ряд проблем, имеющих, по моему мнению, концептуальный характер. Это, прежде всего, постановка вопроса «Кто виноват?» в том, что Вторая мировая война стала реальностью. С ним теснейшим образом связаны и такие поставленные ею проблемы, как дата начала этой войны, внешняя политика государств, оказавших в тот момент существенное влия-

ние на судьбы мира; оценка советско-германских договоренностей 1939 г.; анализ соотношения событий 1930-х гг. и современности и т.д. Обозначенных Н. А. Нарочницкой сюжетов коснулись в той или иной степени другие члены авторского коллектива в соответствии с темой своего исследования. Это дало возможность создать яркую, убедительную картину каждого из фрагментов внешнеполитической истории мира 1930-х гг.

Вопреки господствующим в постсоветской историографии подходам, авторский коллектив сборника подошел к поиску ответа на вопрос «Кто виноват?» «без гнева и пристрастия». По сути, всё его содержание является демонстрацией того, какие силы и процессы сыграли ключевую роль в развязывании войны. А в обобщенной форме ответ дан в статье кандидата исторических наук, заместителя директора историко-документального департамента МИД РФ А. Г. Дульяна [3, с. 102–103]. Исключительно сдержанная и корректная оценка причин войны дает в то же время убедительный ответ на вопрос о ее виновниках и показывает, что у СССР не было никаких мотивов для нагнетания международной напряженности. С этой точкой зрения солидаризуются доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол, депутат ГД РФ Ю. А. Квицинский [4, с. 298] и другие авторы.

Содержание сборника, особенно на фоне господствующих концепций последнего времени, вновь и вновь заставляет задумываться над вроде бы хрестоматийными истинами, которые мы привыкли воспринимать как аксиомы. На первое место среди них Н. А. Нарочницкая вполне логично поставила вопрос о дате начала Второй мировой войны. «Если провести краткий суммарный анализ того, что уже произошло в мире в 1930-е гг. до 1939 г., то станет понятно, что к этому времени уже шла мировая война – самая масштабная и по жертвам, и по амбициям, и по охвату стратегических регионов», – вполне обоснованно указывает она [10, с. 14].

Тезис Н. А. Нарочницкой поддержал и очень доказательно проиллюстрировал доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол В. М. Фалин [13, с. 64–65]. В свете приведенных им фактов вполне обоснованным является предложение Н. А. Нарочницкой «...поставить вопрос перед историческим сообществом, почему не считается Вто-

рой мировой войной ни оккупация Италией Албании, ни война в Северной Африке, ни масштабная война Японии против Китая...» [10, с. 9]. Конечно, попытка пересмотреть в таком ключе дату начала войны не будет принята так называемым «мировым сообществом». Однако сама постановка вопроса, дискуссия вокруг него позволят еще раз показать всю неприглядность политики западных держав и меру их ответственности за трагедию Второй мировой войны, а также парировать попытки возложить вину за это на СССР. Предложение Н. А. Нарочницкой, таким образом, заслуживает всемерного одобрения и поддержки.

Важное место в рецензируемой книге занял анализ внешней политики государств, оказавших существенное влияние на развитие международной обстановки в 1920–1930-х гг., – Англии, США, Франции, Польши, СССР, стран-агрессоров и некоторых других. Что касается Германии, Италии и Японии, то авторы сборника в целом солидаризуются с теми оценками их внешнеполитической деятельности, которые были характерны для советской историографии. Планы экспансии, ее причины, формирование очагов войны и агрессивных блоков – это и многое другое созвучно представлениям, сложившимся во времена СССР. В то же время очевидным элементом новизны являются сюжеты, связанные с отношениями Германии с Польшей, Венгрией, Испанией и Латвией. Приведенные факты свидетельствуют о том, что политическая и военная обстановка в Европе была даже еще более сложной и непредсказуемой, чем показывала советская историография.

Своеобразным рефреном на протяжении всего сборника звучит тема Запада и его политики в постверсальский период до конца 30-х гг. Освещение политики Англии, Франции, США неравнозначно. В нем явно доминирует деятельность Лондона. Такой подход совершенно оправдан, так как Британия «была в то время стратегическим центром формирования общей линии Запада...» [9, с. 6]. Несмотря на имеющиеся у каждой «демократии» нюансы в их политике, в целом она была скоординирована в достаточной степени, чтобы использовать дефиницию «Запад».

Политику ведущих стран Запада по отношению к государствам-агрессорам, с одной стороны, и Советскому Союзу – с другой, Н. А. Нарочницкая вполне обоснованно от-

несла к числу стереотипов, требующих переосмысления. «До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера, – отметила она. – Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии, которые были приняты «демократическим сообществом» [10, с. 17–18].

Отвергая сложившуюся точку зрения, Н. А. Нарочницкая утверждает, что Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, а соблазнить его продвижением на Восток. По ее мнению, это дало бы возможность не только отвести угрозу агрессии от Запада, но и позволило бы Лондону разрешить те геополитические цели, которые он традиционно ставил перед собой [10, с. 25].

Столь смелое, на первый взгляд, предположение Н. А. Нарочницкой на самом деле имеет под собой глубокую историческую основу на протяжении XVIII–XIX вв. Что касается XX в., то правомерность ее подхода убедительно подтвердил В. М. Фалин. Рассматривая политику Запада в 1920-е – первой половине 1930-х гг., он очень хорошо показал роль «демократий» в поощрении агрессивных акций Италии и Японии и защите их в Лиге Наций, приходе Гитлера к власти, милитаризации Германии и канализации агрессии на Восток [13, с. 45, 51, 64, 70].

Как ни неприглядна в освещении В. М. Фалина политика Англии, пальму первенства в становлении и упрочении гитлеровского режима, наиболее опасного из всех, он все же отдал Вашингтону. «Судя по доступным исследователям данным, правившие структуры США усерднее британцев мостили нацистам путь к власти», – подчеркнул он, подкрепив свое утверждение документальными свидетельствами. Столь же благосклонно Вашингтон отнесся и к другим агрессорам. Так, в предвидении серьезных осложнений в Европе, Азии и Африке конгресс принял в августе 1935 г. так называемый «билл о нейтралитете». «Таким образом, Вашингтон загодя освободил себя от моральной и политической потребности примкнуть к антиитальянским санкциям и демаршам, коль скоро таковые прорисовывались бы, или иным способом выражать сочувствие жертве агрессии» [13, с. 64].

Всё содержание рецензируемого труда показывает, что до Мюнхенскогоговора войну можно было остановить. «Демократии» располагали обширным набором возможностей дать

отпор агрессорам. В союзе с СССР и даже без него. Но никак не против Советского Союза. Любой из вариантов предполагал верность долгу и твердость. В наличии не оказалось ни того, ни другого», – отметил В. М. Фалин [13, с. 71]. С В. М. Фалиным в полной мере солидаризуется А. Г. Дульян. Он, в частности, подчеркнул, что ЧСР, обладая серьезным военно-экономическим потенциалом, опираясь на договоры о взаимопомощи с СССР и Францией, была очень важным элементом общеевропейской безопасности. Тем не менее это обстоятельство было принесено в жертву эгоистическим интересам западных держав [3, с. 108].

Оценивая Мюнхенскую сделку, авторы сборника обратили особое внимание на значимость этого события для СССР. Новая ситуация, в которой оказался Кремль, удачно охарактеризована В. М. Фалиным: «В политико-правовом смысле Советский Союз был отброшен к дорепубликанскому положению. Париж положил франко-советский договор о взаимопомощи на лед. Союзный договор с Чехословакией скончался вместе с этим государством. Отношения с Германией находились в расстройстве. ...Многое указывало на то, что следующим в нацистском графике агрессии записан Советский Союз» [13, с. 73].

К чести авторов рецензируемой книги, они не склонны абсолютизировать представление об антисоветизме как основном мотиве русофобии западных держав. «После Мюнхенскогоговора СССР оказался в изоляции с перспективой превратиться в «европейский Китай» – обширное поле германской экспансии, поощряемой Западом не столько из-за враждебности к идеологии ВКП (б), сколько из-за необходимости направить Гитлера подальше от собственных границ, выделить Германии кусок мира, «достойный цивилизованной страны», – совершенно справедливо отметил доктор исторических наук, руководитель Центра России, Украины, Белоруссии Института всеобщей истории РАН А. В. Шубин. – Одновременно с уничтожением ЧСР «умиротворители» получили и возделенную плату за это деяние» [14, с. 109].

Казалось бы, Запад добился в Мюнхене исполнения всех своих желаний: путь для экспансии на восток был свободен, потенциальная жертва агрессии изолирована. Однако последние месяцы мира ознаменовались острым дипломатическим противостоянием,

анализ которого по праву занимает центральное место в рецензируемом труде. Сложнейшее переплетение интересов различных государств авторы статей рассмотрели столь удачно, что из-под их пера вышла цельная картина сползания Европы к общеевропейской войне. Картина эта однозначно свидетельствует, что даже с середины марта 1939 г., когда Гитлер стал выходить из-под контроля западных держав, и до начала конфликта их действия были направлены отнюдь не на его предотвращение [13, с. 93]. Зато к государствам-агрессорам Альбион относился со слабо завуалированной доброжелательностью [13, с. 80–82].

И сегодня еще помнится каскад обвинений за срыв англо-франко-советских переговоров, звучавших в адрес И. В. Сталина и его окружения в историографии и публицистике конца XX – начала XXI в. В связи с этим дорогого стоит сделанный В.М. Фалиным вывод: «Из совокупности доступных документов следует: весной и летом 1939 г. Советский Союз впустую тратил время и силы на создание коалиции против агрессивных держав». И вина в этом была не его: Британия лелеяла надежду, что ей удастся столкнуть Россию и Германию между собой, а самой выйти из воды сухой. Поэтому Лондон нуждался в видимости деловых переговоров с Москвой, чтобы мешать сближению СССР и Германии [13, с.86]. Эту точку зрения разделяют и другие авторы сборника. Критически важным для Гитлера летом 1939 г. было, по оценке В. М. Фалина, отнюдь не заключение с СССР пакта о ненападении, а срыв договоренностей трех держав о военном союзе. Признавая справедливость такой постановки вопроса, остается только добавить: Лондон и Париж сделали всё, чтобы эти договоренности не состоялись.

Стремясь во всей полноте представить картину международной жизни накануне Второй мировой войны, авторский коллектив сборника уделил непривычно большое внимание участию в ней малых и средних стран Европы. Думается, анализ этой проблемы стал одной из «изюминок» рецензируемого труда. В ряде случаев он позволил существенно скорректировать взгляд на события и обстановку в Европе 1930-х гг. Н. А. Нарочницкая совершенно справедливо указала, что пора дать должную оценку, прежде всего, роли Польши, которая и «сейчас выставляет себя

невинной жертвой раздела между двумя хищниками – Гитлером и Сталиным» [10, с. 10].

С учетом актуальности этой проблемы нет ничего удивительного в том, что большинство авторов сборника в той или иной степени затронули ее в своих статьях. Домюнхенский период политики Варшавы осветил в своей статье В. М. Фалин. Он убедительно показал, что к сближению с Гитлером Пилсудского подтолкнул Запад [13, с. 58]. Приведенные им факты свидетельствуют о последовательном участии Польши во всех акциях, предпринимавших в первой половине 1930-х гг., против мира и безопасности в Европе. Ослепленные антисоветизмом и русофобией, польские руководители проявляли в канун аншлюса Австрии и Мюнхенскогоговора, по оценке В. М. Фалина, крайний экстремизм. Его оценка такой политики лаконична и точна: «Поляки рыли себе яму» [13, с. 69].

Варшавасыграла исключительно неприглядную роль в дни Мюнхенской сделки. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН В. В. Марьина, характеризуя ее поведение, привела мнение непредубежденного, информированного современника тех событий – У. Черчилля: Польша «с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства» [7, с. 271].

Уже 2 октября польские войска начали занимать ультимативно истребованные чехословацкие территории. В. В. Марьина, отметив поспешность, указала на причины столь непристойной спешки. Захваченные территории имели для Польши огромное экономическое значение. Расширив территорию лишь на 0,2 %, она увеличила мощность своей тяжелой промышленности почти на 50 %. После этого Варшава ультимативно потребовала от Праги новых территориальных уступок и добилась своего [7, с. 270].

Содержание сборника показывает, что Польша внесла исключительно весомый вклад в достижение целей Гитлера и после Мюнхенской сделки. Так, А. В. Шубин, рассматривая политику Варшавы между сентябрем 1938 г. и сентябрем 1939 г., обратил внимание читателя на то, что там «явно не осознали, что 24 октября был пройден определенный рубеж в польско-германских отношениях и начался их качественно новый этап...» [14, с. 123]. Элементарная осторожность должна была побудить польское руководство к большему ре-

ализму в политике, и прежде всего к пересмотру отношений с СССР. Однако приведенные в сборнике документы и факты убедительнейшим образом свидетельствуют о том, что этого не произошло, и что политика Польши была по содержанию непоследовательной, а по последствиям – самоубийственной. Варшава до последнего момента была настроена категорически против любого многостороннего соглашения с участием Кремля. На это указывают, в частности, В. М. Фалин [13, с. 88], А. Г. Дульян [3, с. 112], А. В. Шубин [14, с. 145]. Между тем, как отметил в своей статье «Советский Союз и политический кризис 1939 года» доктор исторических наук, ведущий сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документо-ведения и архивного дела М. И. Мельтюхов, атмосфера над Варшавой сгущалась. После того, как 26 марта поляки отказались от германских предложений об урегулировании территориальных проблем, а 28 заявили, что изменение статус-кво Данцига будет рассматриваться как нападение на Польшу, Гитлер стал готовить военное решение этого вопроса [8, с. 168].

Всю весну и лето вокруг Польши шла активная закулисная игра. М. И. Мельтюхов считает, что Англия и Франция уже в мае по существу готовили новый «Мюнхен» [8, с. 173]. Еще более жестко оценивает их действия Ю.А. Квицинский, вполне обоснованно утверждая, что «демократии» «сознательно провоцировали конфликт между Польшей и Германией» [4, с. 299]. Исход его был заранее очевиден и отвечал замыслам Лондона и Парижа. Колебалась и Варшава. По мнению М. И. Мельтюхова, 18–20 августа Польша была готова обсудить германские условия территориального урегулирования, но Берлин, взявший курс на войну, уже не интересовало мирное решение вопроса» [8, с. 183]. В связи с этим Н. А. Нарочницкая имела все основания констатировать: «Варшаве, загнавшей себя в тупик, оставалось либо вообще ничего не предпринимать, либо попытаться смягчить свою участь лояльностью к одному из противников. Но главные польские устремления были направлены, как и многие века назад, к Литве и Украине, что открывало поле для торга только с Германией. Это и предопределило ее судьбу в тот момент» [10, с. 26].

Большой интерес вызывает также показ роли Прибалтики в международной жизни

1930-х гг. Этот сюжет освещен в статье атташе, третьего секретаря Посольства России в Латвии в 2001–2005 гг., ныне руководителя исследовательских программ Фонда «Историческая память» В. В. Симиндея. Кроме того, он фрагментарно затронут Н. А. Нарочницкой, А. В. Шубиным и другими авторами. Они дистанцировались как от концептуальных подходов советского времени, так и от утверждений современных ангажированных авторов. В результате возникла сложная картина взаимодействия государств-лимитрофов с основными участниками дипломатического кризиса 1939 г. [10, с. 26–27; 12, с. 254–255; 14, с. 139].

Складывающаяся международная обстановка побуждала Москву срочно укреплять стратегическое положение СССР на Западе, включая Прибалтику. Это обстоятельство и повлекло те действия СССР, которые сегодня пытаются задним числом осудить историки и политики прибалтийских стран. В. В. Симиндей точно оценивает такие попытки как немотивированные, не выдерживающие критики [12, с. 265]. В противовес им он привел как научно достоверную, официальную позицию МИД РФ, которая «состоит в том, что присоединение стран Прибалтики к СССР соответствовало всем нормам международного права по состоянию на 1940 г., а также что вхождение этих стран в состав Союза ССР получило официальное международное признание» [12, с. 264]. Некорректными с международной точки зрения определяет ныне широкое распространение терминов «агрессия» и «оккупация» применительно к событиям 1940 г. в Прибалтике М. В. Демури (доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник II класса). В то же время нельзя не согласиться и с его утверждением, что к их использованию подтолкнули прибалтов «мы сами – постановлением Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», принятым... в декабре 1989 г.» [1, с. 340–341]. Равным образом М. В. Демури отрицает правомерность использования термина «аннексия». Он обратил внимание на то, что этот не имеющий международно-правовой квалификации термин появился в договоре между РСФСР и Литвой от 27 июля 1991 г. «сугубо в результате волюнтаристского решения политиков, его подписавших» [1, с. 342].

Весь комплекс приведенных аргументов и фактов позволил М. В. Демурину убедительно утверждать, что на рубеже 1930–1940-х гг. Советский Союз действовал в русле тех «правил игры», которые в то время практиковали Великие державы [1, с. 343]. Он также позволил ему наглядно показать опасность исторических фальсификаций, стимулирующих рост напряженности на границах Российской Федерации и внутри нее, а также роль внешних сил, воссоздающих «санитарный кордон» по периметру российских границ.

На фоне сложного, противоречивого развития политической и военной обстановки в Европе и мире авторы сборника дали глубокий, убедительный анализ внешней политики СССР в предвоенные годы. Освещая внешнеполитические шаги Советского Союза в первой половине 30-х гг., они солидарны в том, что Запад стремился держать Москву в изоляции. Даже вступление ее в Лигу Наций мало изменило ситуацию. Это хорошо продемонстрировал В. М. Фалин, в частности, указав на крах усилий СССР по созданию системы коллективной безопасности.

Еще более наглядно это обстоятельство проявлялось в связи с аншлюсом Австрии и Мюнхенским сговором. По оценке Н. А. Нарочницкой, «Мюнхен и позиция «демократических стран» показали бессмысленность для СССР пребывания в фарватере англосаксонской стратегии». Не случайно даже «не без оснований считавшийся представителем англосаксонского лобби в СССР» М. М. Литвинов признал этот факт. Отметим это обстоятельство и западные дипломаты, в частности, посол Италии Аугусто Росси [10, с. 19].

О многом сказал советскому руководству тот факт, что СССР оказался единственной страной, в дни судетского кризиса неоднократно заявлявшей о своей верности обязательствам по советско-чехословацкому договору 1935 г. А. Г. Дульян дал сравнительный анализ действий Москвы, с одной стороны, и Лондона и Парижа – с другой, весной–летом 1938 г. [3, с. 104–109]. Разительный контраст между ними лучше любых других аргументов поясняет, почему 70-летняя годовщина Мюнхенской сделки в сентябре 2008 г. была практически полностью проигнорирована «мировым сообществом».

В центре внимания авторского коллектива вполне естественно находились события марта–августа 1939 г. При анализе постмюнхен-

ской политики СССР, вопреки современной историографии, авторы сборника дали взвешенную версию действий советского руководства. Своеобразным эпиграфом здесь может служить мысль А. В. Шубина: «Зная, чем кончились события 1939 г., авторы 90-х гг. рисовали картину советско-германского сближения в виде прямой линии к известному финалу – пакту и войне». И далее, отмечая подходы и объяснения «левых» и «правых» авторов, он заключает: «В исторической реальности работают более «земные» объяснения, относящиеся к СССР в той же степени, как и к другим государствам, которые были вынуждены бороться за выживание в условиях мирового кризиса и экспансии Германии, Италии и Японии» [14, с. 120].

В полном соответствии с этим заключением авторский коллектив сборника дал свое видение англо-франко-советских и советско-германских переговоров. Оно в значительной степени созвучно их освещению в исследованиях, опубликованных в СССР. Это касается уже их начала. «Кочующее из публикации в публикацию утверждение, что советско-германский диалог открылся отчетом Сталина на XVIII съезде... – легенда», – отметил, в частности, В. М. Фалин. В подтверждение своего утверждения он указал, что даже 11 апреля, когда Германия предприняла первый зондаж в отношении Москвы, Гитлер еще числил СССР среди противников. Только с 17 апреля начались контакты, инициатором которых являлась немецкая сторона.

Созвучие подходов очевидно и в освещении хода переговоров. Все авторы солидарны в утверждении, что основная доля вины за срыв англо-франко-советских переговоров лежит на Лондоне и Париже, а также находящейся в зависимости от них Варшаве. При этом они опираются как на хрестоматийные, так и ставшие известными лишь недавно и даже впервые рассекреченные факты [14, с. 137–138].

Статьи А. В. Шубина и М. И. Мельтюхова практически по дням прослеживают хитросплетения переговорного процесса по линиям СССР – Англия и Франция, СССР – Германия, Англия и Франция – Германия, Англия и Франция – Польша, Германия – Польша. Это позволило ощутить, почувствовать коварство и двуличие Лондона и Парижа, нарастание агрессивности и экспансионистских аппетитов Берлина, алчность и бли-

зорукость Варшавы. Советский Союз также не был подобен «жене Цезаря», каким его изображала советская историография. Он преследовал свои собственные цели. Думается, однако, что В.М. Фалин имел все основания задать вопрос: «...Что оставалось делать Москве, зная о хитросплетениях Чемберлена и его министров?...Война уже у порога. 7 августа к советскому руководству поступило донесение: «Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши» [13, с. 87].

Между тем переговорная ситуация не менялась. СССР по-прежнему стремился к заключению всеобъемлющего соглашения, что признавали и представители «демократий» [13, с. 87–88]. К сожалению, аналогичного стремления не просматривалось с другой стороны. Убедительные свидетельства этого привели В. М. Фалин, А. В. Шубин, М. И. Мельтюхов. В статье «Сея ветер, пожали бурю (о московских переговорах весны–лета 1939 года) на это обстоятельство обращает внимание также доктор исторических наук, профессор Академии военных наук РФ Ю. В. Рубцов [11, с. 201–205]. Таким образом, сделанное А. В. Шубиным заключение: «Тупик в переговорах с Великобританией и Францией толкал Сталина на принятие предложений Германии, а не стремление к сближению с Германией порождало тупик в переговорах с Антантой», совершенно обоснованно и справедливо [14, с. 48].

Тем не менее СССР подходил к контактам с Берлином исключительно осторожно. По оценке В. М. Фалина, «германо-советский обмен мнениями обрел осязаемые контуры 15 августа. Но пока это диалог, а не переговоры. Окончательный выбор Москвой не сделан, несмотря на сверхнадежные доказательства того, что Англия и Франция не созрели для сдерживания совместно с СССР агрессора. Больше того, из перехватывавшихся спецслужбами подлинных материалов вытекало – западные державы намерены устроить «второй Мюнхен», опять без СССР и всецело против него» [13, с. 90].

С учетом этих обстоятельств 19 августа на заседании Политбюро, а не лично Сталиным, как это зачастую утверждается, было принято решение: внешняя политика СССР меняет

направление. В этот же день было подписано советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа – пакт о ненападении. «После подписания документов, – констатировал А. В. Шубин, – с плеч участников переговоров свалилась гора – срыв встречи означал бы стратегический провал для обеих сторон» [14, с. 154].

Замечательно точную оценку этого события дала Н. А. Нарочницкая: «Советско-германский договор 1939 г. действительно изменил очередность и «расписание» планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное – договор 1939 г., поменяв «всего лишь» «расписание» войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. ...Именно поэтому пакт Молотова–Риббентропа 1939 г. – это крупнейший провал английской стратегии за весь XX в., и именно поэтому его всегда будут демонизировать» [10, с. 28].

Разноплановая, разной степени радикальности, но в доминанте чрезвычайно положительная оценка советско-германских соглашений 1939 г. дана и другими авторами. Так, А. В. Шубин прежде всего отмечает прагматизм политики руководства СССР: «Когда действия героев Мюнхена показали Сталину, что предотвратить захват Гитлером Польши не удастся, Сталин предпочел отгородиться от гитлеровской экспансии хотя бы на время. А будет за пределами его сферы влияния война или нет – дело Гитлера и Чемберлена. Гитлер и Чемберлен предпочли войну, что не огорчило Сталина, хотя он и не был инициатором этого решения. Нужно было выработать свою стратегию в условиях неизбежной перспективы столкновения с Гитлером» [14, с. 159].

Исключительно высоко оценил соглашения М. В. Демури. Они, по его оценке, «сыграли важнейшую роль в политико-дипломатическом противостоянии Союза и Запада в условиях сползания мира во Вторую мировую войну...Они стали хотя и горьким, но спасительным стимулом в осознании Великобританией и США неизбежности союза с СССР...Велико было их значение и для обеспечения Советскому Союзу дополнительной передышки с целью подготовки к участию в новой мировой войне...Благодаря в том числе и этому политико-дипломатическому маневру наша страна смогла победить в Великой Отече-

ственной войне и стать одной из держав-победительниц во Второй мировой войне» [1, с. 336].

Итог дискуссии на тему пакта как бы подводит Ю. А. Квицинский: «Мог ли Советский Союз в 1939 г. действительно предотвратить начало Второй мировой войны? – задался он вопросом. – Был ли пакт 1939 г. неким дьявольским документом, в корне отличавшимся от других международных соглашений, которые подписывались в те годы? Или, иначе говоря, являлись ли договоры с гитлеровской Германией в тот период заведомым преступлением, на которое не могло пойти никакое уважающее себя демократическое государство? Заключил ли Советский Союз пакт о ненападении с Германией, чтобы подталкивать Гитлера на все новые захватнические войны? На все эти вопросы есть только один ответ. И он – отрицательный» [4, с. 297]. Весьма высокие оценки дали пакту и другие авторы [3, с. 115–116; 8, с. 185; 12, с. 265].

С подачи Комиссии А. Н. Яковлева, советско-германские соглашения 1939 г. считаются в наши дни нелегитимными. Опровержение этой лжи является для отечественных историков и правоведов задачей первостепенной важности. Несомненной заслугой авторского коллектива является весомый вклад в ее разрешение. Обращаясь к этой проблеме, В. М. Фалин констатировал: «...секретный протокол, приложенный к советско-германскому договору о ненападении, ни по методу его составления, ни по содержанию не нарушал обычного международного права. Как отмечалось в постановлении Съезда народных депутатов СССР (декабрь 1988 г.), он был «отходом от ленинских принципов советской внешней политики». Разница есть» [13, с. 94].

Исключительный интерес представляет в связи с этой проблемой статья доктора юридических наук, профессора Львовского института МВД Украины В. С. Макарчука «События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь». Она интересна и как образец плодотворного сотрудничества историков и правоведов в разрешении актуальнейших проблем современности на международном уровне, и с точки зрения ее содержания и сделанных автором выводов. Проанализировав пакт и секретное приложение к нему с позиций международного права, он пришел к выводу, что эти документы не выходят за рамки пра-

вовых норм того времени. Обвинения Советского Союза в том, что своими действиями он, начиная с августа 1939 г., «...как бы прямо провоцировал агрессора, поэтому несет ответственность за развязывание Второй мировой войны на равных основаниях с гитлеровской Германией» носят эмоциональный, но не международно-правовой характер [6, с. 236]. Оправданным в правовом отношении действием В. С. Макарчук считает и ввод советских войск на территорию «Восточной Польши» [6, с. 229]. Требовать же от Сталина в тех условиях соблюдения норм морали представляется совершенно немотивированным и неправомерным.

Объективное освещение бурных событий 1930-х гг. зиждется в сборнике на последовательно выдержанном принципе историзма. Ретроспективный взгляд в прошлое в поисках первопричин и истоков анализируемых событий, глубокое проникновение в суть исследуемых процессов и явлений и одновременно устремленность содержания в современность дали замечательные результаты. Канун Второй мировой войны предстал перед читателем не как случайный исторический «вывих», а как закономерный результат предшествующего развития международных отношений. Кратко, но очень наглядно показала это на примере Германии Н. А. Нарочницкая: направления экспансии кайзеровской Германии в будущей войне против Российской империи обозначил еще в 1890 г. канцлер Бюлов. Границу Германии по Волге требовали установить в 1914 г. берлинские интеллектуалы, бросая вызов не «коммунистической идеологии гражданской войны», а христианской России. Гитлеровские геополитические планы совпадают с планами пангерманистов перед Первой мировой войной [10, с. 28].

Неакадемически жестко оценил Германию как партнера России Ю. А. Квицинский. Разделяя мнение Н. А. Нарочницкой по сути политики Берлина, он отметил, что раньше немцы проводили ее, ссылаясь на необходимость борьбы с царизмом, в 1930-х гг. – «с еврейским большевизмом». «Суть дела от этого, – констатировал он, – однако, нисколько не менялась» [4, с. 305].

Таковую же линию в отношении нашего Отечества вели и англосаксы. Убедительные примеры этого привели В. М. Фалин [13, с. 35–36] и М. В. Демури [1, с. 338]. Здесь воистину проявилась натура «оборотня, не

ведающего ни вечных друзей, ни вечных врагов, ставящего свой интерес выше заповедей в христианском и любом ином их прочтении» [13, с. 32–33].

Аналогичные устремления основных «игроков» 1930-х гг. Н. А. Нарочницкая отметила и в наши дни. «Трудно удержаться от замечания, – указала она, – что та же геополитическая стратегия давления на Россию, хотя и в совершенно иных формах, просматривается на рубеже XX и XXI вв. Предпринимается очередная попытка ее оттеснения на северо-восток Евразии, в глубь континента» [10, с. 26].

Здесь очевиден выход за обозначенные хронологические рамки сборника. При этом несоответствие содержания книги ее названию допущено совершенно сознательно, так как основное внимание статей С. Н. Дрожжина и М. В. Демурина сфокусировано на современности. Трудно объяснить такой шаг авторского коллектива. Однако перед нами тот случай, когда академическая погрешность становится продолжением и научной, и общественной значимости труда. Сборник приобрел логическую завершенность и совершенно иное звучание, еще большие гражданственность и бескомпромиссность, ибо вторгся уже в сферу современного политического противостояния.

Еще важную грань высказанной Н. А. Нарочницкой мысли показал эксперт в области российско-германских отношений С. Н. Дрожжин. Более 20 лет, с 1986 г. и по сей день, продолжается в Германии так называемый «спор историков», – отметил он. На самом деле это не академическая дискуссия, а многоплановое искажение истории Германии, в том числе сути и смысла советско-германского пакта. С. Н. Дрожжин отметил, что современных читателей уводят от конкретного содержания этого договора и конкретных исторических условий, в которых он заключался. При этом акцент делается на то, что это был пакт, заключенный «двумя диктаторами». Это не случайность, это политика в области истории (*Geschichtspolitik*). История используется как эффективное средство для легитимации или намеренного осуждения прошедших событий [2, с. 313]. Вывод автора исключительно злободневен: происходящее в Германии – это жесткая политическая полемика по поводу недавней немецкой истории и ее последствий для национального самосознания современных немцев, это целенаправленная

обработка общественного мнения страны с определенных политических событий.

С. Н. Дрожжин обратил внимание читателей на то, что селективное отношение к историческим событиям характерно не только для СМИ Германии. «...Консервативные круги в Польше делают немало усилий для того, чтобы представить Польшу в глазах мирового общественного мнения как страну «героев и жертв». Ради этого они всячески открепщаются от зверских преступлений поляков в Быдгощи, Едбавне и других местах. Бывший министр иностранных дел Польши Бартошевский подвергается в своей стране обструкции за то, что признал участие поляков в холокосте [2, с. 329]. На этом фоне и в Германии, и в Польше, и в странах Прибалтики идет откровенная демонизация России [1, с. 337].

В свете подобных фактов статья С. Н. Дрожжина выглядит как упрек историческому сообществу России: мы идем в неверном направлении. Призывы воспитывать молодежь через покаяние за собственную историю, переиздание сомнительных трудов зарубежных авторов без соответствующего комментария авторитетных отечественных специалистов, компиляции, выдаваемые за новое слово в исторической науке, – все это не может дать нужных молодежи социальных ориентиров, разрушает историческую память общества. Группы интеллигенции, внедряющие в сознание населения исторические взгляды Запада времен холодной войны, должного отпора не получают.

Еще более жестко продолжил размышления о новом витке антирусской политики в странах ближнего и дальнего зарубежья М. В. Демурин. Говоря об особой судьбе, которая была уготована советско-германским соглашениям, он обратил внимание читателей на тот факт, что «в конце века XX эти документы оказались востребованными вновь, но уже в другом качестве. Их политические интерпретации, идеологически «заточенные» сначала против СССР, а потом против России, были использованы и продолжают использоваться для разрушения нашей страны...» [1, с. 336–337].

В связи с этим очевидным достоинством статьи является констатация: новое осмысление внешней политики СССР 1939–1940 гг. выходит далеко за рамки воссоздания корректного исторического полотна соответствующего периода, заключая в себе серьезнейшее пре-

дупреждение для сегодняшних политиков – тех, кто сооружает новый «санитарный кордон» вокруг нашей страны...». Не менее впечатляет и вывод о том, что в этом предупреждении есть и важный урок и для российского руководства и общества... [1, с. 337].

Завершение статьи М. В. Демурина отличается политической заостренностью. «Что же этому «наступлению на историческом поприще» противопоставляет Россия?», – спрашивает он. Отвечая на этот никого не оставляющий равнодушным вопрос, автор, с одной стороны, выражает неудовлетворенность уровнем государственной поддержки фондам и исследовательским центрам, противостоящим смысловым историческим диверсиям. Не в полной мере, с его точки зрения, соответствует существующей опасности и реакция на официальном уровне [1, с. 347]. С другой стороны, М. В. Демуринов выражает сдержанный оптимизм, связанный с решением Президента Российской Федерации от 19 мая 2009 г., и законотворческой деятельностью Государственной Думы Федерального Собрания [1, с. 348]. Умение «последовательно и системно парировать применение против нас оружия исторической лжи» он справедливо считает обязательным условием действительно суверенного развития Российской Федерации. К разряду профессионального мужества необходимо отнести определенный им как знаковый шаг – изменение оценки советско-германских соглашений, сделанной в декабре 1989 г. [1, с. 348–349].

«Убежден, книга внесет важный вклад в усилия по утверждению исторической правды в условиях, когда эта правда становится объектом отвратительной политизации и откровенной фальсификации, станет источником новых знаний...», – подчеркнул С. В. Лавров [5, с. 4]. Вне всякого сомнения, эти ожидания сбылись в полной мере. Неравнодушные к истории Отечества читатели получили труд, содержание которого нанесло мощный удар по мифологизации исторического знания. Комплексный анализ сложнейшего переплетения политических и дипломатических проблем в период распада Версальско-Вашингтонской системы международных отношений показал, во-первых, что внешняя политика руководства СССР накануне Второй мировой войны была исторически оправдана и отвечала национальным интересам Советского Союза и международно-правовым нормам того

времени. Концепция сборника, таким образом, вступила в противоречие с господствующей идеологией, внедряемой через систему образования и средства массовой информации.

Во-вторых, перед российским руководством и обществом поставлена актуальнейшая задача – отказаться от оценок явно необъективного Постановления Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Перед историческим сообществом поставлены вопросы концептуального характера: когда же в действительности началась Вторая мировая война и кто виновен в ее начале?

В-третьих, книга позволяет глубже и отчетливее осознать непреложный факт: в конце XX – начале XXI в. мы столкнулись с новой волной геополитического давления на Россию. И вновь инструментом этого давления становятся по-прежнему зависимые от Запада активные участники драмы 1930-х гг. Фальсификация истории недавнего прошлого здесь выступает в качестве важнейшего орудия в воспитании населения в нужном духе. На этом фоне планы размещения элементов ПРО в целом ряде восточноевропейских стран, провокации вокруг польского меньшинства в Белоруссии, ситуация вокруг Молдавии и т.п. приобретают злобный характер.

Актуальность сборника и бескомпромиссность его содержания позволяют утверждать, что его ожидает непростая судьба. Разительно глубок контраст в подходах к освещению истории Отечества с апологетами западных либеральных ценностей. Между тем за ними стоят мощные силы за пределами страны. То же самое и в самой России. Бросается в глаза отсутствие в авторском коллективе сотрудников Института российской истории РАН. Да и носители идеи, что «русский фашизм страшнее германского фашизма» занимают по сегодняшний день высокие государственные посты.

Хронологически сборник охватывает достаточно узкий период истории СССР. Между тем фальсификация и других ее разделов достигает запредельных масштабов. Хочется верить, что мы станем свидетелями появления столь же добросовестных научных трудов и по другим проблемам истории Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демуринов М. В. Советско-германские документы августа–сентября 1939 года в контексте совре-

менной политики / М. В. Демуриной // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 336–350.

2. Дрожжин С. Н. Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией и общественное мнение современной Германии / С. Н. Дрожжин // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 310–335.

3. Дульян А. Г. От Мюнхена до пакта Молотова–Риббентропа : некоторые аспекты ситуации в Европе накануне Второй мировой войны / А. Г. Дульян // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 102–119.

4. Квицинский Ю. А. Дьявольский пакт или игра в карты с чертями / Ю. А. Квицинский // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 294–309.

5. Лавров С. В. Предисловие / С. В. Лавров // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 3–4.

6. Макаrchук В. С. События сентября 1939 в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь» / В. С. Макаrchук // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 208–240.

7. Марьина В. В. Кто и как делил Чехословакию в марте 1939 года / В. В. Марьина // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 269–293.

8. Мельтюхов М. И. Советский Союз и политический кризис 1939 года / М. И. Мельтюхов // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 164–193.

9. Нарочницкая Н. А. Кто и когда начал Вторую мировую войну? От ответственного редактора / Н. А. Нарочницкая // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 5–7.

10. Нарочницкая Н. А. «Концерт великих держав» накануне решающих событий / Н. А. Нарочницкая // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М.: Вече, 2009. – С. 8–31.

11. Рубцов Ю. В. Сея ветер, пожали бурю / Ю. В. Рубцов // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 194–207.

12. Симиндей В. В. «Антисоветский флирт» авторитарной Латвии (1934–1940) : между Лондоном, Парижем, Римом и Берлином / В. В. Симиндей // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М.: Вече, 2009. – С. 241–268.

13. Фалин В. М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией / В. М. Фалин // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 32–101.

14. Шубин А. В. На пути к пакту 1939 года : сложности и противоречия / А. В. Шубин // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* – М. : Вече, 2009. – С. 120–163.

Воронежский государственный университет

Сарычев А. Г., кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории и историографии

E-mail: sov@hist.vsu.ru

Тел.: (4732)39-29-35

Voronezh State University

Sarychev A. G., Candidate of the Historical Science, Associate Professor of the Modern History of Russia and Historical Records Department

E-mail: sov@hist.vsu.ru

Тел.: (4732)39-29-35